

Петрушко В. И., доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор кафедры общей и русской церковной истории и канонического права Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Petrushko V.I., doctor of church history, candidate of historical sciences, Professor, Department of General and Russian Church History and Canon Law, St. Tikhon Orthodox Humanitarian University

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ II HOLY BLESSED BETTER PRINCE ALEXANDER NEVSKY AND METROPOLITAN KIRILL II

Статья посвящена особенностям церковной жизни XIII века, учитывая внешнеполитический фактор и взаимоотношения, которые существовали между князьями. Рассмотрена роль и влияние Митрополита Кирилла на церковные и внутриполитические процессы в государстве.

The article is devoted to the peculiarities of the church life of the 13th century, taking into account the foreign policy factor and the relationship that existed between the princes. The role and influence of Metropolitan Kirill on church and internal political processes in the state is considered.

Ключевые слова: митрополит Кирилл, Александр Невский, православное духовенство, Православная церковь, уния.

Key words: Metropolitan Kirill, Alexander Nevsky, Orthodox clergy, Orthodox Church, Unia.

Митрополит Кирилл II, как известно, был выходцем из западнорусских земель и входил в ближайшее окружение князя Даниила Романовича Галицкого, выдвинувшего его на вакантную Киевскую кафедру около 1242–1243 гг. Под этой датой Кирилл уже упоминается в Ипатьевской летописи как митрополит (разумеется, нареченный) [13].

Поставлению Кирилла II на митрополию предшествовали несколько лет борьбы между Даниилом Галицким и Михаилом Черниговским – оба князя хотели провести на Киевскую митрополичью кафедру своего ставленника, чтобы потом пользоваться его поддержкой. Но Константинопольский патриарший престол (с центром в Никее) с 1240 по 1244 г. оставался вакантным, что также не позволяло решить вопрос о поставлении нового митрополита.

Кирилл направился на поставление в Никею к патриарху Мануилу II лишь осенью 1246 г. [19]. Это произошло после того, как Даниил Галицкий побывал в Орде, выразил покорность Батыю и был обласкан главой Улуса Джучи, заинтересованного в лояльности правителя самого западного русского княжества. В том же 1246 г. в Монголии был отравлен ранее признанный старейшим среди русских князей Ярослав Всеволодович, великий князь Владимирский и Киевский. Наконец, в том же 1246 г. в Улусе Джучи был казнен князь Михаил Всеволодович Черниговский, и вопрос с выдвинутой им на митрополию кандидатурой епископа Белгородского Петра был закрыт. Очевидно, что князь Даниил спешил воспользоваться моментом, чтобы добиться поставления митрополитом своего ставленника.

Близость Кирилла к Даниилу Романовичу и стремление Галицкого князя добиться поставления на митрополию именно его дают основания думать, что

первоначально Кирилл не выступал против прозападной позиции своего покровителя. Это было вполне естественно для выходца из Галицкой Руси, которая уже на протяжении столетия к тому времени была вовлечена в теснейшие политические, экономические и культурные отношения с западными соседями – Венгрией, Польшей, Германией и др.

Между тем, политика Даниила Галицкого предполагала не только политический союз с германскими, венгерскими, польскими и другими европейскими монархами, направленный против монголов, но и поддержку Рима, которая могла быть получена лишь в случае признания главенства папы Римского.

Осенью 1245 г. состоялись переговоры посланника папы Иннокентия IV Платона Карпини с братом Даниила – Владимиро-Волынским князем Василько Романовичем.²⁸ Францисканец привез Романовичам грамоту понтифика с призывом к церковному единству [6]. Весной 1246 г. Платон Карпини встретился в донских степях с самим Даниилом Галицким, возвращавшимся из ставки Батыя [6]. Тогда же папа Иннокентий IV направил в Галицко-Волынское княжество несколько булл [3]. В них понтифик выражал радость по поводу высказанного князем Даниилом пожелания перейти в церковную юрисдикцию Рима. Папа обещал князю свое покровительство и помощь против монголов²⁹.

Был ли Кирилл в курсе намерения Даниила и Василька принять унию, неизвестно. Скорее всего, переговоры с Римом велись князьями тайно. Тем не менее представляется, что, если бы Кирилл в то время занимал ярко выраженную антилатинскую позицию, вряд ли бы Даниил Галицкий в 1246 г. стал добиваться его поставления на Киевскую митрополию. Об этом же свидетельствует и поездка Кирилла в Венгрию, куда он прибыл по пути в Nikeю, где должно было состояться его поставление на митрополию. В Венгрии Кирилл выступил посредником в переговорах между князем Даниилом и королем Белой IV. Их итогом стало заключение военно-политического союза между Галицким князем и Венгерским королем, скрепленного браком между сыном Даниила – Львом и дочерью Белы – Констанцией [13]. При этом, по условиям договора, Констанция осталась в браке с Львом Даниловичем католичкой, а по прибытии на Русь построила во Львове первый костел и основала доминиканский монастырь.

Когда же и в связи с чем произошел «антизападный» поворот в убеждениях Кирилла? Вряд ли это могло случиться в Nikee, где в 1247 г. состоялись архиерейская хиротония и поставление Кирилла на Русскую митрополию, после чего он в том же году вернулся на Русь [16]. Политический курс императора Nikeйской империи Иоанна III Дуки Ватаца был во многом сходен с политикой Даниила Галицкого. Он также активно вел переговоры с папским Римом, заключил союз с Германским императором Фридрихом II Штауфеном.

Можно предположить, что первые перемены в отношении Кирилла II

²⁸ По пути в Монголию францисканец Платон Карпини побывал в Юго-Западной Руси.

²⁹ Папа Иннокентий IV также извещал князя Даниила Романовича о предстоящем приезде в его землю папского легата — Альберта II, архиепископа Прусского, Ливонского и Эстляндского. По просьбе Галицкого князя папа направлял на Русь монахов Польской провинции Доминиканского ордена – Алексея и Генриха. Понтифик предписал своему легату лично принять у Галицко-Волынских князей и их сановников присягу на верность унии. Однако неизвестно, исполнил ли Альберт предписание главы Католической церкви и приезжал ли он вообще за пределы Галицко-Волынской Руси.

к политике Даниила произошли после возвращения митрополита на Русь в 1247 г., когда продолжились переговоры между Галицким князем и Римом. Плато Карпини на обратном пути из Монголии в июне 1247 г. вновь побывал в Галицко-Волынской Руси. Папский посланник еще раз встретился с князьями Даниилом и Васильком, их сановниками и православными епископами епархий, расположенных на территории Галицко-Волынского княжества. По словам францисканца, все они якобы подтвердили, что *«желают иметь владыку папу своим отцом и господином, а святую Римскую церковь владычицей и учительницей»* [6].

Однако на самом деле митрополит Кирилл и западнорусские епископы, скорее всего, не поддержали униатский курс Даниила Галицкого, который, судя по всему, только в это время был предан огласке. Сделать такой вывод позволяет следующий факт. Когда князья Даниил и Василько Романовичи направили с Плато Карпини письмо к папе Римскому, его должно было отвезти в Рим специальное посольство. Но при этом в состав посольства вошел лишь один клирик Русской церкви — игумен Зимненского Святогорского монастыря Григорий, которого сопровождали исключительно представители католического духовенства и монашества: доминиканцы Алексей и Генрих и священник Хазелон из Вильсторфа [5]. Никакого отдельного обращения к папе от лица православного духовенства с посольством направлено не было.

Можно предположить, что, еще поддерживая на тот момент стремление Даниила Галицкого получить на Западе политическую поддержку против монголов, митрополит Кирилл, тем не менее, не разделял намерения добиться этого путем заключения унии.

О негативном отношении митрополита Кирилла к унии также могут свидетельствовать следующие факты. В августе – сентябре 1247 г. Иннокентий IV вновь издал несколько булл, касавшихся его сношений с Галицко-Волынскими князьями. Папа подтвердил, что берет под свое покровительство Даниила и Василька Романовичей и их княжества, запретив при этом западным крестоносцам совершать на них нападения. По просьбе князя Даниила папа разрешил перешедшему в юрисдикцию Рима русскому духовенству совершать богослужение на квасном хлебе и сохранять другие греческие богослужебные обычаи. Своему легату архиепископу Альберту понтифик даровал право в особых случаях рукополагать в священный сан даже тех жителей Руси, которые имели к этому канонические препятствия [5].

Как видно, возглавлять униатское духовенство Галицко-Волынской Руси и рукополагать новых униатских клириков должен был иерарх латинского обряда в ранге папского легата. То есть ни митрополит, ни епископы унию не поддержали. А тот факт, что легату давалось право рукополагать в священный сан канонически ущербных кандидатов, говорит о том, что сторонники унии испытывали серьезные проблемы с кандидатами в клир.

Папа Иннокентий IV намеревался создать для защиты восточных рубежей Европы крупный военный союз, к которому примкнули бы Галицко-Волынские князья, рыцари Тевтонского ордена и венгерской ветви ордена госпитальеров. К этому союзу понтифик стремился подключить и Александра Невского. Однако, если Даниил Романович надеялся, что папа способен организовать масштабный крестовый поход против монголов и побудить западных

крестоносцев участвовать в нем, то Александр Ярославич смотрел на эту перспективу гораздо более трезво. После столкновений с крестоносцами на северо-западе Руси Александр не допускал возможности военного сотрудничества с западными соседями, стремившимися захватить часть территорий ослабевшей после монгольского нашествия Руси. Военное противостояние с западными христианами сформировало у князя Александра резко негативное отношение к католицизму.

Правда, в официальных отношениях с Римом Александр Ярославич сохранял корректность и терпимость. В частности, он разрешил построить в Пскове католический храм (впрочем, в Великом Новгороде и Пскове латинские церкви в колониях западноевропейских купцов существовали издревле). Но Иннокентий IV, направивший Александру в 1248 г. две буллы, ошибочно принял дипломатическую вежливость князя за согласие признать над собой главенство Рима [2]. При этом папа ссылался на пример отца Александра – Ярослава Всеволодовича, якобы перешедшего в католичество незадолго до своей смерти в столице Монгольской империи. Но никаких иных свидетельств, подтверждающих этот факт, нет. Думается, Александр Ярославич лучше понтифика знал характер своего отца, и поэтому, когда папские послы пытались убедить князя признать главенство Рима, он отверг это предложение в самой жесткой форме [11].

Следует обратить внимание на то, что в то самое время, когда Даниил Галицкий вел переговоры с Римом, Александр Невский наглядно показал, что избрал прямо противоположный курс. В 1247–1249 гг. он вместе с братом Андреем Ярославичем совершил поездку в ставку Батые, затем оба князя направились в столицу Монгольской империи – Каракорум [17]. На фоне переговоров Даниила Романовича с Римом действия Александра Ярославича были восприняты Чингизидами как подчеркнутое выражение лояльности монголам. В результате Александр Ярославич в 1249 г. возвратился на Русь, получив ярлык на Киев *«и всю Русьскую землю»* (то есть Южную Русь), а Андрей Ярославич стал великим князем Владимирским [14].

Разрыв между митрополитом Кириллом и князем Даниилом Галицким наступил не сразу. Как видно, поначалу терпимо настроенный к католикам Кирилл по мере углубления переговоров об унии и реализации Римом первых практических шагов в направлении ее насаждения на Руси начинает все более решительно отмежевываться от этой инициативы Даниила Романовича. Однако курсу Галицкого князя, направленному на военно-политическое сближение с Западом, Кирилл, вероятно, еще какое-то время оказывал поддержку. Это подтверждают следующие факты.

Осенью 1250 г. митрополит Кирилл впервые направился во Владимирское княжество [14]. Эта поездка была связана с династическим браком: зимой 1250–1251 гг. Кирилл совершил во Владимире на Клязьме венчание великого князя Андрея Ярославича с дочерью Даниила Галицкого Устиньей [14]. Очевидно, что этим шагом Даниил надеялся сделать Андрея своим союзником и Кирилл оказал ему в этом поддержку.

Как показали дальнейшие события, надежды Галицкого князя вполне оправдались. Под влиянием тестя великий князь Андрей Ярославич также стал строить иллюзорные планы освобождения Руси от монголов. Но в 1252 г.

на Владимирское княжество обушилась «Неврюева рать». Русское войско, которым командовали Андрей Ярославич и его младший брат князь Ярослав Тверской, было разгромлено монголами. Потерпевшие поражение князь бежали в Великий Новгород, откуда Андрей вскоре вместе с супругой отплыл в Швецию [15]. Попытка восстать против монголов обернулась лишь новым разорением русских земель. Александр Невский, сохранивший лояльность монголам, сменил брата на великом княжении Владимирском.

Очевидно, эти драматические события, которым предшествовало состоявшееся весной 1251 г. в Великом Новгороде знакомство митрополита Кирилла II с Александром Невским [14;15], решительно изменили политические ориентиры предстоятеля Русской церкви. С этого времени митрополит прекращает контакты с Даниилом Галицким и начинает поддерживать Александра Ярославича, явившего пример политического курса, наиболее реалистичного и оптимального для Руси в создавшихся условиях.

Александр, чьи земли отстояли далеко от других государств, рано осознал, что союзников ему искать негде, а сил самостоятельно противостоять монголам у Руси нет. Следовательно, нет и иного выбора, кроме как признать над собой власть монгольского хана. Несмотря на все ужасы Батыева нашествия, Русь, попав в зависимость от монголов, тем не менее сохранила свою, пусть и ограниченную, государственность, православную веру, национальную культуру и самобытность. Это давало надежду на то, что со временем удастся собрать силы и освободиться от поработителей. Политика Александра Ярославича, как показал дальнейший ход событий, оказалась гораздо более дальновидной, чем линия Даниила Романовича. Галицкое княжество уже к середине XIV в. было поглощено западными соседями, а его русское население стало объектом католического прозелитизма, что в итоге привело к утрате национальной и религиозной идентичности.

Таким образом, можно утверждать, что решительная перемена в позиции митрополита Кирилла, которую вполне можно назвать переоценкой ценностей, была связана именно с влиянием Александра Невского. Благодаря великому князю Владимирскому митрополит смог более глубоко и объективно взглянуть на положение завоеванной монголами Руси, исходя из интересов всей Русской земли, а не только Галицко-Волынского княжества.

Это в известной мере подтверждается той исключительной поддержкой и подчеркнутым уважением, которые в дальнейшем неизменно выказывал Александру Невскому предстоятель Русской церкви. Так, в 1252 г. он устроил у Золотых ворот во Владимире торжественную встречу великому князю Киевскому и Владимирскому, возвращавшемуся из ставки Батыея. Вскоре митрополит Кирилл возглавил церемонию восшествия Александра Ярославича на Владимирский великокняжеский престол [14]. В 1255 г. митрополит вместе с великим князем и другими русскими князьями участвовал в погребении в Успенском соборе Владимира брата Александра Невского – Галицкого и Дмитровского князя Константина Ярославича [14]. Когда в 1256 г. началась война со шведами, митрополит не только прибыл с Александром Невским в Великий Новгород, но и провожал выступавшее в поход русское войско до Копорья [15].

На протяжении длительного времени митрополит Кирилл продолжал оставаться во Владимиро-Суздальской Руси, духовному окормлению которой

он уделял повышенное внимание. Здесь около 1255–1258 гг. им была основана епископская кафедра в Твери³⁰. В 1261 г. состоялось поставление первого архиерея на Сарайскую епархию, учрежденную Кириллом в столице Улуса Джучи [16].

Решительный переход митрополита Кирилла на сторону Александра Невского совпал по времени с апогеем переговоров Даниила Галицкого с папой, итогом которых стала коронация Даниила королевской короной, присланной ему из Рима. Коронация состоялась в конце 1253 – начале 1254 г. в г. Дорогичине при участии папского посольства [4;7;9].

Частью церемонии было признание Даниилом папы Римского *«своим отцом»*. Это фактически означало переход князя в юрисдикцию Рима. В коронации приняло участие и высшее православное духовенство Западной Руси, хотя, скорее всего — под давлением Галицкого князя. По свидетельству Галицко-Волынской летописи, Даниил Романович принял корону *«от отца своего папы Некентия³¹ и от всех епископовъ своихъ»* [13]. Однако участие православных архиереев в этой церемонии само по себе еще не означало принятия ими унии. Тем более, что разочарованный бесперспективностью попыток найти союзников на Западе и отсутствием реальной помощи от папы «король Руси» вскоре прекратил всякие сношения с Римом и вплоть своей кончины их более не возобновлял [1].

Тем не менее, в глазах митрополита Кирилла его бывший покровитель Даниил был дискредитирован своими сношениями с Римом, и поэтому предстоятель Русской Церкви по-прежнему пребывал преимущественно в Северо-Восточной Руси, подчеркнуто продолжая демонстрировать поддержку Александру Невскому. Не исключено, что митрополит мотивировал свое пребывание при Александре Ярославиче тем, что великий князь Владимирский одновременно (хотя и чисто номинально) занимал и Киевский престол. Кроме того, вплоть до 1274 г. Кирилл не поставлял на Владимирскую епископскую кафедру самостоятельного епископа и фактически присоединил Владимирскую епархию к митрополичьему округу. Вероятно, Кирилл задумывался о переносе своей резиденции во Владимир на Клязьме, что впоследствии осуществил его преемник Максим. При этом нельзя не обратить внимания на параллель в статусе Александра Невского как великого князя Киевского и Владимирского и сопряжении Киевской и Владимирской кафедр митрополитом Кириллом.

В заключение также следует отметить, что митрополит Кирилл, судя по всему, являлся духовным отцом Александра Невского. Это подтверждают обстоятельства состоявшегося 23 ноября 1263 г. в соборе монастыря Рождества Богородицы во Владимире отпевания и погребения Александра Ярославича, которое возглавил Кирилл. Летописец отмечал, что при этом произошло чудо: когда митрополит хотел вложить в руку великого князя разрешительную грамоту, покойный протянул ее и сам взял свиток [15].

Известно, что в средневековой Руси существовал обычай: именно духовник

³⁰ Поппэ А. Митрополиты Киевские и всяя Руси // Шаповя.Н. Государство и Церковь Древней Руси XI–XIII вв. М., 1989. С. 191-206. Прил. 1.С. 205.

³¹ То есть от папы Римского Иннокентия IV (1243—1254 гг.).

влагал в руки почившего государя разрешительную грамоту. В частности, в XVI—XVII вв. по отношению к Московским царям этот ритуал традиционно исполнял протопоп Благовещенского собора, по должности являвшийся государевым духовником. Возможно, подобный обычай существовал уже в XIII в. Поэтому с большой долей вероятности можно утверждать, что большинство своих важнейших деяний, предпринятых в последнее десятилетие своей жизни, Александр Ярославич совершил по прямому благословению митрополита Кирилла и в полном согласии с волей предстоятеля Русской церкви

Литература и источники

1. Regesta pontificum romanorum/ Ed. August Potthast. – Berolini, 1875. – Vol. 2. – № 16731.
2. Акты исторические. – СПб., 1841. – Т. 1., № 78.
3. Большакова, С. А. Папские послания галицкому князю как исторический источник / С. А. Большакова // Древнейшие государства на территории СССР. 1975 год. – М., 1976. – С. 122–129.
4. Великий, А. Г. Проблема коронації Данила Романовича / А. Г. Великий // *Analecta ordinis S. Basilii Magni*. – 1954. – Vol. 2 – С. 95–104.
5. Домбровский, Д. Даниил Романович / Д. Домбровский // Полная энциклопедия. – М., 2006. – Т. 14. – С. 118–125.
6. Карпини Дж. дель Плано. История монгалов. / Дж. дель Плано Карпини // Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло / Г. де Рубрук; Сост., вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М., 1997. – С. 68–69.
7. Котляр, Н. Ф. Даниил, князь Галицкий. Документальное повествование / Н. Ф. Котляр. – СПб., 2008. – С. 288.
8. Кучкин, В. А. К биографии Александра Невского / В. А. Кучкин // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования / отв. ред. А.П. Новосельцев. – М., 1986. – С. 71–80.
9. Майоров, А. В. Был ли Даниил Галицкий коронован папой Иннокентием IV? / А. В. Майоров // Русин. – 2011. – № 3(25). – С. 42–49).
10. Мазутова, В. И. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Невскому / В. И. Мазутова, В. И. Пашуто // *Studia historica in honorem N. Kruus*. Tallinn, 1971. – С. 136–138.
11. Новгородская первая летопись. – Л., 1950. – С. – 305–306.
12. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси / В. Т. Пашуто. – М., 1968. С. 298.
13. Полное собрание русских летописей. – М., 1998. – Т. 2.
14. Полное собрание русских летописей. – М., 1997. – Т. 1.
15. Полное собрание русских летописей. – М., 1949. – Т. 25. – С. 71–80.
16. Поппэ, А. В. Митрополиты Киевские и всея Руси (988—1305 гг.) / А. В. Поппэ // Государство и Церковь Древней Руси X—XIII вв. / Я.Н. Щапов. – М., 1989. – С. 204–205.
17. Присёлков, М. Д. Троицкая летопись / М. Д. Присёлков. – М.; Л., 1950. – С. 322.
18. Рошко, Г. Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия: послания Папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому / Г. Рошко // Символ. – Париж, 1988. – № 20. – С. 92–115.
19. Рыбинский В. Митрополичья кафедра с половины XIII до конца XVI в. / В. Рыбинский. – К., 1891. С. 6.

Свирид А. Н., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории славянских народов учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Svirid A.N., doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the History of Slavic Peoples of the Educational Institution «Brest State University named after A.S. Pushkin»

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД С 1953 ПО 1964 ГГ.